

Президенту Республики Казахстан
Г-ну Токаеву К.К.
Мажилису Парламента Республики Казахстан
Национальному Совету общественного доверия

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Уважаемый Касым-Жомарт Кемелевич,
Уважаемые депутаты Мажилиса Парламента РК,
Уважаемые члены Национального Совета общественного доверия,

В Послании народу Казахстана от 2 сентября 2019 года Президент отметил необходимость серьёзных мер по улучшению качества судебных решений, тщательного их анализа, полноценной реформы правоохранительных органов.

В целях практической реализации Послания прошу Вас обратить внимание на одно уголовное дело, которое с шокирующей очевидностью демонстрирует глубину деградации правоохранительной и судебной систем РК и обоснованность мер, обозначенных в послании.

7 декабря 2016 года на НПЗ «Актобе нефтепереработка» была проведена спецоперация под руководством КНБ РК по пресечению масштабных хищений нефти членами ОПГ «Четыре брата». Операция КНБ транслировалась в прямом эфире на центральных телеканалах. Но, к сожалению, нигде не был освещён тот факт, что ни в ходе операции, ни в последующие 2 года следствия на НПЗ «Актобе Нефтепереработка» не было обнаружено ни одной тонны похищенной или неучтенной нефти, как и не было обнаружено следов деятельности ОПГ «Четыре брата».

14 декабря 2016 года, после публикации в интернете пресс-релиза суда №2 г. Актобе, где говорилось об участии руководства НПЗ «Актобе нефтепереработка» в хищении нефти в составе ОПГ «Четыре брата», я прилетел в город Актобе и вскоре был задержан сотрудниками КНБ.

Через 2 года, 12 декабря 2018г., судья Сабыров А.Б. приговорил меня к 19 годам лишения свободы по совершенно иному обвинению, в корне отличающимся от первоначального, – за якобы «вывоз 13 тыс. тонн сырой нефти в Кыргызстан под видом нефтепродуктов». К меньшим срокам были проговорены: главный технолог завода, начальник отдела маркетинга и партнер завода – гражданин Республики Беларусь.

Судья Сабыров вынес незаконное решение, проигнорировав все доводы защиты, полностью оправдывающие подсудимых. Ограниченный в газетном пространстве, я приведу здесь только 4 довода из нескольких десятков:

1. События преступления не было – в задержанных вагонах не нефть!

В ходе следствия были задержаны 4 вагона со смесью нефтепродуктов, которую следователи называли «сырой нефтью», ссылаясь на заключение эксперта ИСЭ ЮКО.

Ученые, геологи и нефтепереработчики Казахстана, России, и других стран, изучив материалы следствия пришли к однозначному выводу – **в вагонах содержится не нефть, а смесь легких и тяжелых нефтепродуктов**. Они объясняют свой вывод отсутствием средней фракции в жидкости из вагонов при наличии легкой и тяжелой. По их мнению, нефти с «провалом» в средней части не существует в природе, и жидкость, находящаяся в вагонах может быть получена следующим образом: на НПЗ нефть разделили на легкие, средние и тяжелые дистилляты, затем смешали легкие и тяжелые, убрав в сторону средние. К такому выводу пришли профессор НТУ, д.х.н. Ибрашева Р.Х., зав. Лабораторией КБТУ, к.х.н. Кожабеков С.С., профессор РГУ нефти и газа им. Губкина, д.х.н. Гируц М.В., к.х.н. Жиенбаев С.С. и многие другие.

Вывод учёных не смог опровергнуть и суд, записав в приговоре (стр. 40): «В судебном следствии из показаний свидетелей Алиева, Аканова, Ратаева, Биржанова, Кулова, Оспанова (операторы) и других достоверно установлено, что при производстве смеси нефтепродуктов “Oil Blend” смешивались бензин (нафта), печное (судовое) топливо и мазут».

Доводы защиты подтвердили и следователи, изготовив «смесь нефтепродуктов» из трёх указанных компонентов по рецептуре, указанной в документации НПЗ и подтвержденной в показаниях главного технолога, работников лаборатории и нефтебазы. Исследования следователей (т.36, с.99) показали наличие в изготовленной ими смеси точно такого же «провала» в средней части фракционного состава, какой наблюдается во всех исследованиях содержимого четырёх вагонов (т.36, с. 91). То есть следователи сами доказали отсутствие преступления!

2. Отсутствует мотив преступления!

Ни в материалах дела, ни в суде не было установлено ни одного факта преступного обогащения подсудимых – в чём тогда был смысл «незаконного вывоза 13 000 тонн нефти» для обвиняемых?

На странице 63 приговора суд указал: «*органом уголовного преследования не установлено наличие у подсудимых Кужагалиева, Кунцевича, Кушкинбаева, Утениязова имущества, добытого преступным путем, либо приобретенного на средства, добытые преступным путем. При таких обстоятельствах суд полагает, что дополнительное наказание в виде конфискации имущества не может быть назначено*».

Получается, что четверо отцов семейств совершали экономическое преступление в течение года без какого-либо материального мотива? В обвинении нет мотива в виде хулиганства, ревности или мести АО «КТЖ»! Что двигало «преступниками»?

3. Вмененное преступление экономически бессмысленно.

Экономическая бессмысленность вменённого преступления очевидна из судебно-экономической экспертизы, исполненной по Постановлению следователя. Судья Сабыров предумышленно не упоминает в приговоре столь веское доказательство абсурдности обвинения.

Согласно заключению эксперта № 407 (т. 68, с. 53-72), исполненного по заказу следователей, ТОО «ИОЭ» выручило от реализации смеси нефтепродуктов “Oil Blend” в Киргизию всего **1,35 млрд. тенге**, а понесло расходов **1,87 млрд. тенге**. **Очевиден убыток в 0,52 млрд. тенге**, если бы нефть отгружалась без переработки.

Положительная экономика появляется только при переработке нефти, что и показывает эта экспертиза: помимо смеси нефтепродуктов “Oil Blend” компания получило из поставленной на НПЗ нефти и реализовала **4 205 тонн дизельного топлива** на сумму 526,3 миллиона тенге и в итоге получило небольшой доход. **Суду достаточно было задаться вопросом “Откуда 4 205 тонн дизтоплива, если нефть не перерабатывалась?”** – это очень много (70 вагонов).

То, что вменяемое преступление лишено экономического смысла подтверждают три тома аудиторского отчета, заказанного следователями (находятся в вещ. доках). Судья Сабыров также не упомянул их в приговоре – настолько подробно аудиторы описали движение каждой тонны поставленной нефти и полученных нефтепродуктов, что одного этого документа достаточно для оправдания обвиняемых.

4. Суд так и не установил лиц, физически совершивших преступления.

По версии обвинения подсудимые якобы подделали стандарт предприятия и якобы незаконно вывезли 13 тысяч тонн нефти. Однако за 2,5 года досудебного и судебного расследования так и не было установлено ни одного физического лица, которое было бы исполнителем.

Так по эпизоду якобы поддельного стандарта на стр. 4 приговора записано: «*Кужагалиев и Кунцевич, ..., дали указание неустановленному работнику ТОО “Актобе Нефтепереработка” на подделку вышеуказанного документа*». Откуда и когда суду стало известно о данном поручении, если ни в материалах дела, ни в ходе суда ничего подобного не было установлено? **От само-**

го «неустановленного работника»? В промежутке времени между окончанием суда и вынесением приговора?

Суд так и не установил хотя бы одно физическое лицо, которое осуществило бы налив в вагоны «незаконно вывезенные 13 тысяч тонн нефти», а это более 200 вагонов, которые наливались в течение мая-декабря 2016 года!

Ни один свидетель обвинения не смог указать лица, которое физически налило бы нефть и в задержанные 4 вагона. Даже якобы «признавшие вину» сотрудники завода тоже не смогли назвать их. На вопрос «Как вы совершали преступление?» подсудимый Кушкинбаев (маркетолог) отказался отвечать, а подсудимый Утениязов (гл. технолог) ответил – «может быть кто-то подменил содержимое вагонов по пути». В ходе суда было достоверно установлено, что в дни изготовления, налива и отправки этих 4 вагонов в начале декабря 2016 года, все четверо обвиняемых даже не были на территории НПЗ: Кужагалиев и Кунцевич находились в Алматы, Кушкинбаев был уволен ещё в ноябре, а Утениязов лежал на больничном с инфекционным заболеванием.

При наличии таких доводов независимый беспристрастный суд должен был бы вынести оправдательный приговор, но этого не случилось. Суд просто переписал в приговор (стр. 40) предположения следователей из обвинительного акта: «... в ходе досудебного расследования свидетели Ратаев Б., Мыктыбаев Д. показали, что **можно сделать перенос линий** с резервуаров № 10, 12 и 14 и произвести закачку товарной нефти с помощью насоса в резервуар № 16».

Чтобы понять почему предположения следователей перевесили достоверно установленные в суде факты следует проанализировать действия **судьи Сабырова А.Б., прокурора Шокпарова А.А., следователей Латыпова М.Р. и Ертайлакова Д.**, зафиксированные в материалах «дела» и в ходе суда.

Действия судьи Сабырова А.Б.:

1. Противоречия в приговоре – конфискация того, чего согласно обвинению, не должно существовать.

Прочитав собственноручно подписанный приговор через неделю, судья Сабыров должен был бы прийти в ужас от своего творения: четырех отцов семейств осудили на длительный срок, фактически сделав сиротами одиннадцать детей, за якобы **вывоз сырой нефти без переработки**. Если нефть вывезли без переработки – значит вывезли именно НЕФТЬ, и нефтепродукты не могут являться орудиями преступления, а если быть точнее – их вообще не должно существовать, так как согласно сути и буквы Приговора – НЕФТЬ НЕ ПЕРЕРАБАТЫВАЛАСЬ.

Но на странице 70 Приговора сказано: **«бензин-растворитель(нефрас) 13,052 тонны, дизельное топливо 540,793 тонны, судовое топливо 124, 033 тонны – конфисковать и обратиться в собственность государства»**. То есть в пользу государства конфискуются продукты переработки нефти, которых согласно обвинению не должно существовать, и которые, согласно того же обвинения, не могут являться орудиями преступления.

Всего по делу было задержано 4 вагона ТОО «ИОЭ» с якобы “229 тоннами сырой нефти”, но конфискуются у этой компании **674 тонны нефтепродуктов**. И это всего лишь остатки нефтепродуктов на дату приговора. Следователи изначально понимали абсурдность своего обвинения и не препятствовали вывозу нефтепродуктов – в промежутке между спецоперацией КНБ и приговором суда компания спокойно реализовала 2 500 тонн нефтепродуктов, но 674 тонны не успела – тем самым усложнив задачу судье Сабырову.

Реальность переработки нефти подтверждается не только конфискацией нефтепродуктов (если конфискуются нефтепродукты – значит они существуют, а получить их возможно только в результате переработки), но и огромным количеством материалов в томах «дела»: экспертизами следствия, аудиторским отчетом (заказанным следствием), уплатой акцизного налога с нефтепродуктов, акцизными накладными на нефтепродукты, актами сверки с покупателями нефтепродуктов, банковскими расчетами за нефтепродукты, показаниями работников НПЗ всех уровней.

На фоне такого противоречия в приговоре конфискация собственности **свидетелей обвинения** выглядит просто мелкой кражей. **Собственность свидетелей по законам РК никак нельзя конфисковать**, но на той же стр. 70 приговора судья Сабыров постановил **конфисковать**:

- у свидетеля Черняева И.В. – телефон iPhone7
- у свидетеля Булатова А.Н. – телефон iPhone7
- у свидетеля Тлегенова Б.К. – телефон iPhone6s

Возможно, что следователи «потеряли» эти телефоны (дешевые модели возвращены), а судья Сабыров не смог отказать им в просьбе узаконить данную «пропажу» в дополнении к обвинительному приговору.

Только две эти выдержки из приговора наглядно демонстрируют характер взаимоотношений следователей КНБ и судьи Сабырова – управляемость судьи!

2. Судья Сабыров в приговоре не упомянул о давлении, оказанным следователем КНБ Латыповым на «потерпевшего» в ходе судебного процесса.

Мое дело долго (19 месяцев) не могло попасть в суд – **не было «потерпевшего»**. Статья 197 УК РК относится к преступлениям против собственности – у кого-нибудь что-то должно пропасть. Но в 2016 году ни у одного недропользователя нефти не пропало.

После первого окончания дела, в конце 2017 мои адвокаты указали прокурору, что статья 197 не применима ко мне, так как нет потерпевшего – следователям пришлось вновь менять обвинение и добавлять ещё 4 статьи УК, не требующие «потерпевших».

Поиск потерпевшего занял еще полгода, пока я знакомился с итогами первого окончания «дела». Только в 2018 году, второй раз закончив «дело», следователи КНБ назначили **«потерпевшим»** АО «Казахстан Темир Жолы».

Но и тут у обвинения случился очередной конфуз: в октябре 2018 года, после четырех месяцев судебных слушаний начальник юр. отдела АО «КТЖ» Нуржан Сатенов заявил прямо в зале суда, что у него *“появились свои доводы и своё мнение, ставящие под сомнение обвинение”*, но на него оказывают давление следователи, в том числе Латыпов, неоднократно вызывая его в здание КНБ между судебными заседаниями и настаивая на подаче иска против обвиняемых до прений, чтобы подтвердить виновность обвиняемых. Действия следователей в отношении «потерпевшего» объясняются тем, что статья 197 (преступление против собственности) при отсутствии иска не работает.

Давление на потерпевшего – **уголовно-наказуемое преступление в нашей стране** и адвокаты просили судью Сабырова вынести соответствующее частное определение. Однако судья Сабыров не только не вынес этого частного определения, но даже не упомянул в приговоре факт давления на потерпевшего, тем самым скрыл уголовно-наказуемое преступление от судей вышестоящих инстанций – тем самым совершил преступление сам.

3. Судьи отказали защите в вызове экспертов обвинения в суд.

Стороне защиты в этом долгом «деле» было отказано в всех ходатайствах по отбору образцов и проведению анализов. Отказы последовательно выносились следователем, прокурором и затем судьей с одинаковой мотивацией – исследований следователей достаточно. Поэтому защите не оставалось ничего другого, как опираться на исследования стороны обвинения – чем не образец равноправия сторон в судопроизводстве «по-казахстански».

Обвинение представило в суд **четыре** заключения экспертов. **Первое** из них утверждало, что в задержанных вагонах находится сырая нефть, **три последующих** – что в вагонах смесь нефти с легкими фракциями. **Налицо противоречия между экспертами обвинения**, но осудили нас именно за «незаконную перевозку нефти».

Эксперты стороны защиты, доктора химических наук, профессора ведущих казахстанских и российских ВУЗов, авторы многих учебников по химии нефти, изучив исследовательскую

часть заключений экспертов обвинения пришли к однозначному выводу – исследованная экспертами обвинения жидкость **никак не может являться нефтью**, так как **в природе не существует нефти**, в которой есть легкая и тяжелая части, но нет средней (керосиногазойлевой) части. Они утверждают, что такую жидкость возможно получить только переработав нефть на нефтепродукты, затем замешав полученные легкие и тяжелые фракции, убрав при этом в сторону средние.

Приглашенные стороной защиты специалисты выступили в суде, поставив под сомнение заключения экспертов обвинения – **подчеркнув их антинаучность**. Встал вопрос о вызове в суд экспертов обвинения. Соответствующие ходатайства были заявлены подсудимыми и их адвокатами. Но по ходатайству прокурора суд отказался приглашать экспертов обвинения, даже не мотивируя свое решение. **Почему прокурор и суд боялись появления экспертов обвинения в зале Суда – может они не давали таких антинаучных заключений?!** В ходе этого дела следователей не раз подозревали в фальсификации проб и образцов, не исключено что «заключения экспертов» - тоже фальшивые, поэтому не было возможности их вызвать в суд.

4. Судья Сабыров проигнорировал показания всех свидетелей.

Каждому явившемуся в суд свидетелю, в том числе свидетелям обвинения были заданы следующие вопросы: «Известны ли Вам факты приемки на НПЗ похищенной или неучтенной нефти?», «Известны ли Вам факты налива в вагоны сырой нефти на НПЗ?» и «Известно ли Вам лицо налившее в вагоны сырую нефть?» **Все, включая свидетелей обвинения, дав клятву, ответили: «Нет, не известно».**

В ходе суда, из показаний работников НПЗ в суде, а также из многочисленных журналов подразделений НПЗ, было **достоверно установлено**: кто, каким способом и когда изготовил каждую партию смеси нефтепродуктов, кто и когда налил, запломбировал каждый из двухсот отправленных вагонов, кто отбирал из них пробы и кто их анализировал.

Особенно наглядны в этом плане показания работников заводской лаборатории, которые показали, что сначала они моделировали изготовление смеси нефтепродуктов в лаборатории, выясняя рецептуру и только затем смесь изготавливалась в резервуарах и наливалась в вагоны, откуда затем вновь отбирались и анализировались пробы.

Еще более показателен документально установленный в суде факт, что некондиционные партии смеси нефтепродуктов направлялись на повторную переработку, как это случилось с первой партией, с которой НПЗ «мучился» около 10 дней. **Зачем такие «мучения» коллективу, если бы отгружалась сырая нефть?!**

Я привел здесь только 4 эпизода из действий судьи Сабырова, которые зафиксированы в приговоре, видеоматериалах судебных заседаний и которые наглядно демонстрируют позицию судьи еще на стадии слушания и отразившаяся в приговоре.

Действия прокурора Шокпарова А.А.:

1. Незаконное задержание и содержание под стражей по обвинению в участии в ОПГ «Четыре брата».

Я был задержан по подозрению в участии в масштабных хищениях нефти в составе ОПГ «Четыре брата». В постановлении от 11.01.2017 записано: «...Кужагалиев А.У. являясь учредителем и директором по маркетингу и логистике ТОО «Актобе нефтепереработка» в начале 2015 года задался противоправной целью незаконного личного материального обогащения за счет реализации похищенной нефти в особо крупном размере... в 2015-2016 годах Кужагалиев А.У. организованной группой с Кунцевич С.Г. и другими вышеуказанными лицами организовали вывоз и транспортировку нефти, похищенной с месторождений Актобинской и Атырауской областей до НПЗ «Актобе нефтепереработка».

Ни суд, ни следствие не обнаружили ни одного факта незаконного обогащения кем-либо из подсудимых. Ни у одного недропользователя ничего не пропало и соответственно не транспортировалось на НПЗ «Актобе нефтепереработка».

21 июля 2017 года меня выводят из состава ОПГ «Четыре брата», так как «доказательств участия Кужагалиева А.У. в ОПГ не обнаружено». «Не обнаружено» в русском языке означает, что этих доказательств не было изначально.

7 сентября 2017г. с меня сняли все подозрения как в хищении нефти, так и в участии в каких-либо ОПГ с формулировкой: “*за недоказанностью вины и исчерпанием всех возможностей доказывания*”. Сняли обвинения, но не выпустили из СИЗО!

Все эти месяцы прокурор **Шокпаров** обосновывал моё задержание и содержание под стражей в СИЗО наличием достаточных доказательств участия в ОПГ, в том числе показаний свидетелей. Но в итоге, через 9 месяцев выяснилось, что «доказательств не обнаружено», а через два года уже в суде выяснилось, что и показаний свидетелей тоже не существует.

2. Обвинение в участии в трёх ОПГ и ни одной очной ставки.

Играя судьбами людей словно мячиками, следователи и прокурор последовательно «зачисляли» и «отчисляли» меня в ТРИ организованные преступные группы (ОПГ):

С 11.01.2017г. по 21.07.2017	ОПГ «Четыре брата»
С 21.07.2017 по 7.09.2017г	ОПГ с неустановленными лицами
С 07.09.2017г. по 27.12.2017г.	сняты все обвинения в ОПГ
С 27.12.2017 по сей день	ТПГ с гражданами Беларуси и Киргизии

Мои адвокаты неоднократно ходатайствовали перед прокурором и следственным судьёй об очных ставках с лицами, показывающими против меня и **закон обязывает это сделать!** Однако за полтора года следствия не было ни одной очной ставки – перед следственным судьёй Прокурор обосновывал это тем, что свидетели отказываются от очных ставок, опасаясь давления с моей стороны.

Уже в основном суде выяснилось, что никто, даже “признавшие вину” сотрудники завода, не показывал о моем участии в каких-либо ОПГ.

3. 18 месяцев в СИЗО без следственных действий!

С января 2017г. по июнь 2018г. продолжалось досудебное расследование. Все эти 18 месяцев мои адвокаты обращали внимание прокурора на то, что Кужагалиев А.У. просто сидит в СИЗО и с ним официально не проводятся ни какие следственные действия – следователи просто «закрыли» его в СИЗО и забыли о нём. В СИЗО г. Актобе я узнавал о важных событиях в семье: кончине моего тестя, рождении моей дочери, поступление младшего сына в школу, окончании старшим сыном университета.

Всего я провёл в СИЗО г. Актобе 2 года и 3 месяца: всё это время шла неофициальная работа – «собеседники» в камере пытались меня убедить в бесполезности сопротивления, уговаривали дать «изобличающие» показания на «большую рыбу», угрожая семье и ставя перед выбором «19 лет в тюрьме или свобода через сутки».

Чем занимался всё это время прокурор Шокпаров и за чем он надзирал?

Действия следователей Латыпова М.Р. и Ертайлакова Д.:

1. Реализация вещественных доказательств.

В феврале 2018 года, еще до передачи дела в Суд, втайне от владельца груза и обвиняемых, следователи реализовали 4 вагона со смесью нефтепродуктов, задержанные в ЮКО – **тем самым уничтожив самое главное в деле вещественное доказательство.**

Данные вагоны были задержаны в декабре 2016 года, когда Brent стоил 47 долларов за баррель, а реализованы следователями в 2018 году – когда Brent уже стоил 87 долл. Согласно собственному обвинению следователей в вагонах якобы находится «легкая малосернистая нефть» и по материалам дела ее стоимость в декабре 2016 года составляла 110 500 тенге за тонну. Согласно логике, в 2018 году следователи должны были получить в бюджет страны 150 000 – 180 000 тенге за тонну.

Но следователи “смогли” реализовать вешдок по цене в **ПЯТЬ РАЗ ниже рыночной, или в три раза ниже его цены в 2016 году, за 36 000 тенге.**

В этой продаже главного вещественного доказательства по делу, есть как минимум три признака коррупционного преступления:

А) **фантастически низкая цена** реализации, и следователи знали это. Так в своём постановлении о реализации 4 цистерн следователь Латыпов пишет (т. 68, с. 171): “В декабре 2016 года задержаны 229,946 тонны смеси нефтепродуктов стоимостью 25 397 210,30 тенге”. Следователям “удалось” выручить в 2018 году 8 294 632,74 тенге, т.е. в **ТРИ РАЗА** меньше.

Б) **ограничение круга потенциальных покупателей** - предложения о покупке вешдока были направлены «секретно» только двум компаниям, ТОО “КМГ-Oil” (г. Уральск) и ТОО «КМНПЗ» (г. Кызылорда), расположенным в 1000 и 2500 км от места стоянки цистерн? Почему не было сделано предложения известным в стране НПЗ – Шымкентскому, Павлодарскому или Атыраускому, или хотя бы самому НПЗ «Актобе Нефтепереработка» - они наверняка дали бы рыночную цену 2018 года, не ниже 150 000 тенге за тонну?

В) **продажа вешдока «нелогичному» покупателю** – 4 цистерны реализованы на «самовар» в Кызыл-Орде в 1000 км от места их стоянки. Но вагоны стояли рядом с тремя НПЗ: в той же ЮКО работает Шимкентский НПЗ, в радиусе 60 км расположены Амангельдинский ГПЗ и НПЗ «Стратус-Ойл».

Кстати, в приговоре нет ни слова о конфискации в доход государства содержимого этих четырех вагонов или выручки от его реализации – получается, что следователи просто незаконно реализовали главный вешдок, как и «потеряли» дорогие телефоны свидетелей обвинения.

Возможно судья Сабыров посчитал “вырученные” **8 миллионов тенге** мелочью в сравнении с разницей цен, пошедшей в чей-то карман, или побоялся вообще упоминать этот вешдок.

Реализация ключевых вещественных доказательств еще на стадии расследования – это самое веское доказательство того, что приговор был predetermined еще до Суда!

2. Фальсификация проб.

Ещё на стадии ознакомления с материалами «дела» я написал заявление о фальсификации проб следователями. Факт фальсификации был просто очевиден – следователи отправили образцы жидкости **якобы из одного** резервуара № 16 в две лаборатории – в государственный институт судебной экспертизы и Шимкентский НПЗ. По логике обе жидкости должны быть одинаковыми, но в государственной лаборатории начало кипения жидкости оказалось 30 градусов, а в лаборатории НПЗ показали 66 градусов Цельсия. **Даже школьнику понятно, что это две РАЗНЫЕ жидкости.**

Если внимательно изучить оба анализа в совокупности с показаниями работников НПЗ в суде и записями заводской лаборатории, то становится ясно, что оба образца не имеют никакого отношения к РВС № 16 и были сострепаны в разных кабинетах.

3. Давление на «потерпевшего».

Факт давления на представителя «потерпевшего», начальника юридического отдела АО «Казахстан Темир Жолы» **Нуржана Сатенова** был описан выше. Более подробно можно узнать из статьи «**Нахимичили**» в газете “**Время**” от 24 октября 2018г.

Я привел здесь самые простые и очевидные доказательства незаконности уголовного дела и судебного решения в отношении меня. Это «дело» – не единичный случай, иначе бы Президент

Токаев не подчеркивал необходимость полноценной реформы правоохранительной и судебной систем Казахстана в своём Послании народу Казахстана от 2 сентября 2019 года.

Почему я пишу не только Президенту, но и Мажилису и Национальному Совету? Чтобы воплотить в реальность положения Послания народу Казахстана от 2.09.2019 усилий одного Президента будет недостаточно. Необходимо включиться всему обществу – от заключенного в Заречном до депутата Парламента. Я – сторонник эволюционного развития страны и приемлю только законные инструменты выражения позиции гражданина. В данном письме я пытаюсь реализовать своё право на справедливый суд через доступные мне инструменты: через Нац. Совет и Парламент посредством открытого письма. Это не значит, что я не надеюсь на Верховный Суд – я очень на него надеюсь и верю в него, но понимаю, как сложно будет до него дойти.

Уголовное дело вокруг НПЗ «Актобе нефтепереработка» – это следствие трех системных недостатков, имеющих место в РК:

1. Отсутствие парламентских форм борьбы;

Современная история нас учит, что в условиях отсутствия парламентских форм борьбы, политическая элита часто использует уголовные дела в отношении соперников. Так происходило в СССР, происходит в Китае, так происходит и в Казахстане.

Решение **Нурсултана Абишевича** передать полномочия президента именно **Токаеву** дало надежду на прогресс Казахстана всем его гражданам, в том числе и мне. Считаю, что это было самое лучшее решение из всех возможных на тот момент. В камере актюбинского СИЗО я готовился к совсем иному сценарию и поэтому понимаю какое давление пришлось преодолеть **Елбасы**.

2. Отсутствие верховенства закона;

Перед первым и последним допросом руководитель следственной группы прямо мне сказал, что у них под контролем «всё», вплоть до приговора суда. Что и подтвердило поведение прокурора и решение суда.

3. Отсутствие презумпции невиновности;

В ходе следствия мне пришлось поменять несколько адвокатов, которые утверждали:

- Раз задержали – обязательно посадят, если не за текущее обвинение, так по какому-либо другому;
- Дело ведет КНБ – обязательно посадят, лучше согласиться с каким-либо нетяжким обвинением;
- После 18 месяцев СИЗО - не оправдывают, даже невиновных.

Свои утверждения адвокаты подкрепляли неутешительной статистикой оправдательных и обвинительных приговоров в Республике Казахстан.

Отсутствие верховенства закона может привести к потере государственности. В середине XIX века, чтобы присоединить среднеазиатские ханства, куда входила большая часть Казахстана, Российской империи оказалось достаточно небольшой военной экспедиции. Почему народы на встали на защиту эмиров и ханов? Возможно, потому что **не было верховенства закона** в этих ханствах, а Российская империя несла с собой систему законов, способствующих развитию земледелия, ремесел и торговли.

Уважаемый Президент,
Уважаемые депутаты Мажилиса Парламента РК,
Уважаемые члены Национального Совета общественного доверия,

В качестве одних из первых шагов по устранению этих системных недостатков прошу вас инициировать:

1. **Досрочные выборы в Мажилис Парламента РК**, так как ныне действующая нижняя палата не отражает реальных настроений общества. Как минимум в Мажилисе должны быть представлены те 16% избирателей, которые поддержали оппонента Токаева. Надеюсь, что уже вновь избранный Парламент будет выбирать членов Верховного Суда. Изменения в одном уголовном деле маловероятны без изменений в обществе ...

2. **Изменения в закон о КНБ – ограничить его деятельность только государственной безопасностью.** «Сокамерники» в беседах со мной, следователи в беседах с моими родственниками, друзьями и партнерами не скрывали, что моё «дело» - заказное и на «особом» контроле в Астане. Практика использования КНБ в политических и экономических разборках должна быть прекращена.

3. **Выборность судей всех уровней.** В ходе судебного процесса я столкнулся с невероятной безграмотностью прокурора и судьи – они не знали, что Республика Казахстан состоит в Таможенном Союзе, ЕАЭС и ВТО, они так и не поняли основных законов физики школьной программы и законов Казахстана. Яркий тому пример из приговора (стр. 3): *«В 2014 году в г. Актобе Куржагалиев и Кунцевич, достоверно зная о законодательном запрете на вывоз нефти из Республики Казахстан, в целях преодоления этих препятствий ...»*. **В Казахстане не было и нет законодательного запрета на вывоз нефти!** В 2016 году из добытых 78 миллионов тонн в Казахстане переработано было только 14,5 миллиона тонн, остальное – экспортировалось из страны.

Действующая система назначения порождает “управляемых” судей уровня Сабырова, которые выносят необъяснимые приговоры.

4. **Расширение практики суда присяжных.** Управляемый судья назначил мне лишение свободы на срок, который не дают убийцам и педофилам. Следователи и «собеседники» по камере не скрывали, что подберут мне такой набор статей, который позволит «изолировать» меня лет на 30, избежав суда присяжных. **Так сильно они боялись суда присяжных!** Если бы моё «дело» рассматривалось судом присяжных, то на скамье подсудимых оказалась бы совсем другая «четверка».

5. **Изменение в УПК - обязательность принятия залога без «лазеек» для прокурора.** Когда Вас закрывают в СИЗО в отдаленном городе и арестовывают Ваши счета - вы фактически не имеете возможности защищаться. А если следствие длится годами и вы, единственный кормилец в семье, не имеете возможности работать – разоряется ваша семья и ваш бизнес. Обвинения в организованной преступности стали для следователей и прокуроров “палочкой-выручалочкой” - **инструментом** “отправки и убеждения” в СИЗО бухгалтеров, медиков, преподавателей, инженеров и менеджеров при шаткости и даже абсурдности обвинения.

6. **Изменение в УПК - законодательно установить предельный срок содержания в СИЗО.**

По действующему законодательству время ознакомления подозреваемого с материалами дела не ограничивается и не засчитывается в срок содержания в СИЗО. Эта оговорка позволила следователю КНБ держать меня в СИЗО «на ознакомлении с делом» **десять месяцев: с 7 сентября 2017 года до 6 июня 2018 года.** «Собеседники» в камере предсказывали, что я буду знакомиться с «делом» до тех пор, пока не признаю вину хоть по одной статье. Я бы так и сидел **ВЕЧНО** в СИЗО «на ознакомлении с делом» не дойдя до суда, если бы не активность журналиста. Утром 6 июня 2018 года в газете «Время» вышла статья «Сидячая обстановка», и вечером того же дня вышел наконец-то обвинительный акт и «дело» ушло от следователей.

7. **Отмену закона РК «О государственном регулировании производства и оборота нефтепродуктов».**

Депутатам Мажилиса необходимо понять, как без подобного закона обходятся нефтедобывающие Россия и США, нефтедефицитные Китай и Германия. Пока в Казахстане существует этот закон, у нас не будет биржевой торговли нефтепродуктами, и соответственно, прозрачного ценообразования, не будет открытой и честной конкуренции на рынке нефтепродуктов, а будет постоянный рост цен на топливо. Не буду перечислять всех недостатков этого закона – их слишком много, назову лишь главный – он порождает гигантскую коррупцию.

За пару месяцев до ареста, я поднимал этот вопрос перед представителями Минэнерго и МГД на отраслевом семинаре – было заявлено о понимании проблемы и что данный закон планируется отменить в 2019 году, по окончании модернизации трех больших казахстанских НПЗ.

8. Добиваться рассмотрения дела Кужагалиева и Кунцевича в Верховном суде.

Я понимаю, что силы, организовавшие «дело» 7 декабря 2016 года на НПЗ «Актобе Нефтепереработка», не могут допустить рассмотрение этого дела в Верховном Суде – настолько очевидны факты фальсификации и фабрикация его материалов. Я опасаясь, что мы можем получить «отписку» – «В рассмотрении отказано» - решение принимает один человек.

В тоже время, Верховный Суд в сложном положении – он в любом случае должен изменить мой приговор – хотя бы для того, чтобы «узаконить» продажу следователями 4 вагонов с «нефтью» еще на стадии расследования. Суд первой инстанции не конфисковал их, апелляционная инстанция оставила приговор без изменения, теперь «узаконивать» продажу вешдока придется Верховному Суду, иначе это получается кража чужого имущества.

Также Верховному Суду придется вернуть свидетелям их собственность (телефоны iPhone), которую вопреки законам РК, конфисковал судья Сабыров А.Б.

Если Верховный Суд поддержит обвинительный приговор, вынесенный судьёй **Сабыровым**, то Суд будет обязан вернуть ТОО «Интер Ойл Экспорт» дизельное топливо, судовое (печное) топливо и мазут, так как согласно обоим версиям обвинения (суды первой и апелляционной инстанций так и не определились с какой-либо из них конкретно) в вагонах находятся или «нефть», или «нефть, замешанная с легкими фракциями», то есть «тяжелые дистилляты» - дизельное и судовое топливо и мазут – не присутствуют, т.е. не могут быть орудиями преступления.

Верховному Суду будет сложно как поддержать обвинительный приговор судьи Сабырова, так и оправдать осужденных – оба варианта обойдутся стране дорого финансово, а обвинительный – еще и в моральном и имиджевом плане.

В такой ситуации Верховный Суд может предпочесть отстраниться и не прикасаться к этому «делу», отказав в его рассмотрении – что такое 11 сирот при живых отцах в сравнении с сотнями миллионов, которые придется возвращать.

Ваше внимание и внимание гражданского общества исключат отказ в рассмотрении этого «дела» в Верховном Суде, обусловят объективность судебного решения и наказание реальных преступников по всей строгости закона.

События 7 декабря 2016 года требуют открытого и всестороннего расследования. Если этого не сделать, то при рассмотрении моего «дела» в Международном Суде неизбежен удар по имиджу Казахстана, который может быть использован и деструктивными силами. Все мои активы - в Казахстане, хоть они и под арестом. Их невозможно конфисковать по закону, так как они заработаны честным трудом. Мне не безразличен имидж Казахстан в деловых кругах, так как я намерен развивать начатые проекты даже находясь в колонии.

По «делу», начавшемуся 7 декабря 2016 года, работали десятки следователей и оперативников в течение двух лет (полный список т.1, с. 25-28). На зарплаты, командировочные, перелеты и квартирные, на выбивание нужных следствию «признаний обвиняемых» и «выводов экспертов» по этому «делу» потрачено несколько сотен миллионов тенге средств налогоплательщиков – и не установлено ни одной тонны похищенной или неучтенной нефти. **Зачем и кому это было нужно?**

Всего по спецоперации КНБ по пресечению хищений нефти от 7 декабря 2016 года осуждено около **30 человек**, по «**несколько иным обвинениям**», но не за хищения нефти. С каждым осужденным наказаны и их семьи – почти сотня детей, в том числе студенты. Следователи **Латыпов** и **Ертайлаков**, прокурор **Шокпаров** и судья **Сабыров** убили в этих детях веру в Казахстан, как в государство – некоторые из них уже эмигрировали. Если страна и общество оставят это «дело» без объективного расследования, не пойдёт ли счет разувверившихся на тысячи? Выезд из Казахстана и отказ от казахстанского гражданства в среде образованной молодёжи стремительно (в разы) нарастал в течении 2018 года.

Это «дело» - шанс начать очистку правоохранительных органов и судов по очевидным фактам. Я думаю, и Президент и общество понимают, что следователи **Латыпов** и **Ертайлаков**, прокурор **Шокпаров** и судьи **Сабыров** вряд ли смогут реформировать себя сами.

Рассмотрение моего «дела» в Верховном Суде, (а оно возможно только при внимании к нему со стороны всего общества) покажет, реально ли начались перемены в Казахстане или продолжается декларация намерений.

Даже не получив оправдания в Верховном Суде, я своей кассационной жалобой могу вернуть в бюджет страны 8 294 632,74 тенге от продажи вещдока, вернуть незаконно конфискованную собственность свидетелям и бизнесу.

Это пока все, что я могу сделать для страны, находясь в колонии поселка Заречный Алматинской области.

Кужагалиев Алмаз Урынбасарович:

*Инженер-механик,
Сертифицированный системный инженер Microsoft,
Мастер бизнес-администрирования*

15 октября 2019г.